

Цан Доушань без лишних раздумий оглушил Вэйшэна точным ударом ладони по шее. Подхватив обмякшее тело, он потащил его прочь, лавируя между разгорячёнными мужчинами и женщинами. Густой воздух Павильона Благосклонной Луны удушливо смердел похотью. Приходилось буквально пробиваться сквозь это бесстыдное месиво: Доушань толкал кого-то локтями, наступал на чужие ноги, но на него даже не смотрели — все были слишком заняты собой. От одного случайного взгляда на это непотребство лицо обжигало стыдом.

К ним пристроился какой-то низкорослый юноша. Поначалу Доушань не обратил на него внимания, но уже у самого выхода насторожился:

— Ты ещё кто?

Парнишка замялся, густо покраснев:

— Братец, я просто хотел за тобой пристроиться... Народу уйма, не протолкнуться.

Доушань едва не усмехнулся, но он сдержался и не стал расспрашивать. Резко развернувшись, он в несколько шагов преодолел последние метры и вырвался из этого вертепа, оставив позади душный омут порока.

Выходит, проложил мальчишке дорогу.

Когда Доушань оглянулся, того парнишки и след простыл.

Он мысленно вернулся к тому мимолётному предчувствию. Сомнений не было: внезапный укол тревоги вызвала вовсе не навязчивость попутчика. Инстинкты вопили о другом — этот юнец был настоящим тёмным практиком.

Причём уже открывшим духовные каналы.

От него едва уловимо веяло чуждой, тёмной силой — настолько слабо, что распознать её смог бы лишь тот, кто постоянно имеет дело с подобными чернокнижниками. Да и в подобном вертепе, где смешались люди всех мастей, почуять неладное удалось лишь у самого выхода.

Взвесив все за и против, Доушань решил пока отложить это дело. Первым делом нужно было доставить домой пьяное недоразумение, безвольной тушей повисшее на его плечах.

За несколько месяцев сытой и привольной жизни Вэйшэн заметно округлился и прибавил в весе. Пусть Цан Доушань и обладал недюжинной силой благодаря упорным тренировкам, тащить этот груз на себе оказалось делом нелёгким. Обливаясь потом, он наконец доставил приятеля в дом, но тот вцепился в него мёртвой хваткой, словно липкая ириска, и никак не желал отпускать, что-то довольно мыча под нос.

Доушань с силой хлопнул его по руке:

— Отцепись.

Вэйшэн лишь уткнулся носом ему в бок и капризно протянул:

— Не-а, не отпускаю...

Доушань нахмурился:

— Хватит притворяться! Не отпустишь — схлопочешь!

Тот приоткрыл глаза и с самым невинным видом возразил:

— С чего ты взял, что я притворяюсь?

— Если бы я этого не понял, грош цена была бы моему искусству, — Доушань не удержался и отвесил ему лёгкий щелчок по лбу, после чего бесцеремонно повалил на кровать. — Отсыпайся давай. Голова не раскалывается?

На самом деле хмель Вэйшэна брал неохотно, и он сам толком не понимал, почему так быстро «поплыл» в Павильоне Благосклонной Луны. Видимо, дело было вовсе не в выпивке — здешние благовония явно сдобрили каким-то дурманом, от которого голова шла кругом, создавая полное ощущение сильного опьянения.

Стоило им выйти наружу, как прохладный ночной воздух мигом выветрил дурь из головы.

Но отпускать Доушаня ему почему-то совсем не хотелось.

Оказавшись на новой, мягкой и душистой постели, Вэйшэн блаженно зажмурился и наотрез отказался шевелиться.

— Ой, голова раскалывается, — простонал он, утыкаясь в подушку. — И всё тело так ломит...

— Пойду заварю чаю. Смотри только, не вздумай мне тут всё уделать, — буркнул Доушань.

— Хорошо-о...

Стоило шагам Доушаня затихнуть, как Вэйшэн тут же перекатился с боку на бок. Какое же это было блаженство! Всё-таки новая постель не шла ни в какое сравнение с прежней жесткой

лежаночкой.

Он уже сладко дремал, когда вернулся Доушань. Поставив на столик дымящуюся пиалу с белым чаем, он легонько потряс парня за плечо:

— Вставай, выпей отвару.

Доушань попытался приподнять его, но Вэйшэн снова обмяк, притворяясь бесхребетным:

— Не могу, сил нет подняться... Напой меня сам.

— И откуда только взялись эти барские замашки? — Доушань шутливо шлёпнул его пониже спины. — Садись и пей сам, никто перед тобой тут прыгать не станет.

Вэйшэн со вздохом сел и нехотя принял пиалу. Напиток оказался терпким, с лёгкой горчинкой и едва заметным сладковатым послевкусием — как раз в его вкусе. Когда большая часть чая была выпита, Доушань отобрал посуду:

— Ну всё, полегчало? А теперь топай к себе спать.

Но расставаться с этой великолепной постелью Вэйшэн не собирался. Он упрямо замер на месте, превратившись в изваяние. Доушань недовольно нахмурился:

— Чего сидишь?

Вэйшэн решил пойти напролом:

— Сегодня я сплю здесь, — он лукаво прищурился, всем своим видом показывая: «И попробуй меня прогнать».

Но Доушань остался непреклонен:

— Ты сам настаивал на отдельных комнатах. Так что марш к себе.

— Не пойду. Ни за что! Хочу спать на новой кровати, — откровенно заканючил Вэйшэн, скатываясь в детское упрямство.

Поняв, что уговоры не действуют, Доушань попытался стащить его силой. Но Вэйшэн уцепился мертвой хваткой за матрас. Раздражённо выдохнув, он сдался:

— Ладно, чёрт с тобой, сиди хоть до утра. А я спать хочу.

С этими словами он скинул верхний халат, забрался под одеяло и отвернулся к стене.

Посидев немного в тишине, Вэйшэн подал голос:

— Вообще-то, эту кровать купили на мои деньги.

— Я каждый день с утра до вечера вожусь с твоими снадобьями, — слышалось из-под одеяла.

— И платы за труды ни разу не просил. Так что, по совести говоря, куплена она на то, что я честно заработал.

— Значит, она наполовину моя, — парировал Вэйшэн.

Он блаженно растянулся на матрасе и придвинулся ближе к Доушаню. Полежав пару минут неподвижно, он тихонько потянул на себя край одеяла. Тот не шелохнулся. Почувствовав безнаказанность, Вэйшэн бесстыдно перетянул на себя большую часть одеяла и наконец, укутавшись с ног до головы, довольно затих.

Какое счастье — наконец-то избавиться от старой, скрипучей лежанки!

На следующее утро Доушань первым же делом отправился на рынок и заказал небольшую кушетку. Её привезли уже после полудня, и он лично застелил её свежим бельём. Намёк был более чем прозрачным. Вот только Вэйшэн демонстративно проигнорировал эту попытку расселения. Потерпев сокрушительное фиаско в борьбе с упрямым, Доушань в конце концов сдался и отдал кушетку одному из старых работников, а сам вернулся на прежнее место. Всё вернулось на круги своя.

Одержав победу, Вэйшэн так приободрился, что даже за работу принимался с небывалым рвением.

Впрочем, Доушань не забыл о странном молодом человеке из Павильона Благоклонной Луны. Время от времени он крутился неподалёку от весёлого заведения, высматривая загадочного попутчика. Спустя несколько дней упорной слежки ему наконец повезло: среди суетящейся челяди мелькнуло то самое лицо.

Выяснилось, что этот тёмный практик нанялся в Павильон обычным чернорабочим. Он подметал полы, мыл посуду и таскал помои. Порой Доушань замечал, как вышибалы заведения поколачивали провинившихся девиц; стоило громилам закончить экзекуцию, как парень бережно поднимал бедняжек и уводил обрабатывать раны. Работы у него было невпроворот, платили гроши, да и смена заканчивалась в самый разный час. Доушаню, любившему поспать подольше, никак не удавалось подкараулить его после работы.

Доушань доел хрустящую пресную лепёшку, а тот парень всё ещё возился со стопками грязных тарелок. Прикрыв оконную створку, но оставив узкую щёлочку для наблюдения, он решил немного прикорнуть.

Стоило ему повернуться, как он застыл от неожиданности: за узорчатой ширмой у входа смутно вырисовывался силуэт.

— Кто здесь? Выходи! — настороженно крикнул Доушань.

Из-за ширмы донёлся язвительный голос:

— Надо же, неужели узнал?

Это был Вэйшэн. Доушань облегчённо выдохнул, но тут же разозлился:

— Какого чёрта ты там выстаиваешь? Хватит изображать привидение!

Вэйшэн неторопливо вышел на свет, скрестив руки на груди:

— И что это мы тут высматриваем глухой ночью?

Не желая впутывать приятеля в опасные дела, Доушань сухо отрезал:

— Тебя не касается.

— И всё же, кто он? С чего вдруг такой интерес?

В голосе Вэйшэна отчётливо прозвучала ревность. Доушаню пришлось уступить и объяснить:

— Это тёмный практик. Пытаюсь понять, кто его наставник. Может, удастся разузнать что-нибудь полезное.

Любопытство Вэйшэна мгновенно разгорелось с новой силой:

— Тёмный практик? И в чём же заключается их тёмное искусство?

— Ну... если вкратце, всё дело в корне ином подходе к самосовершенствованию. Они безжалостно выкачивают духовную энергию природы ради собственной выгоды, в то время как праведные школы стремятся к гармонии с миром. Когда-то давно приверженцы тёмного пути держали в страхе все земли, из-за чего сам мир едва не погиб. К счастью, среди праведных

орденов явилось несколько великих гениев, сумевших переломить ход истории, — Доушань намеренно опустил подробности и махнул рукой: — В общем, иди спать, я тут сам разберусь.

— И почему ты вечно пытаешься от меня отделаться? — Вэйшэн обиженно хмыкнул и вытащил из-за пазухи аккуратный бумажный сверток. По комнате мгновенно разлился сладкий, медовый аромат цветов османтуса. — От твоих пирожков с джусаем только жажда нарастает. Вот, принёс тебе сладкий лотос в сиропе. Будешь? Если нет, я сам съем.

<http://bllate.org/book/18329/1786520>